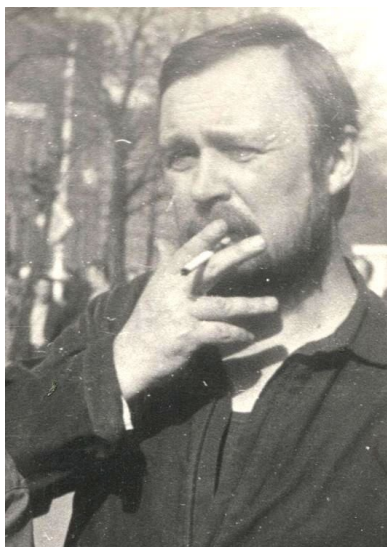

© Владимир Цивин 2021.

Об Александре Задорине (1941 - 2006)

А.Задорин

А.Задорин и В.Цивин на Елагином острове. 2006 год.

Александр Задорин по природе своей завоеватель, покоритель, победитель. Он открыт новому опыту, как малолетний ребенок. Он осваивает новую территорию, новое неизведанное пространство с жадностью подлинного путешественника, мореплавателя, землепроходца. Причем он не ассимилируется, не вписывается в новое пространство, а завоевывает его, заполняет собой, покоряет любой ценой — не агрессией, но напором, смекалкой, острым умом, фантастической памятью, обаянием, щедростью, анекдотом, романсом, да чем угодно. Он должен быть в центре мира, в центре любой компании, мир должен вертеться вокруг него. Он любит себя и хочет, чтобы его любили, причем все и сразу и без исключения. И в этом эгоцентризме трогательно похож на ребенка. Он хочет, чтобы его любили, и он этого добивается, ибо одарен природой такой жизненной силой, таким артистическим универсальным талантом художника, таким напористым активным обаянием, что противиться, противостоять этому нельзя или почти нельзя.

Когда я пишу «пространство», то имею в виду не только географическое пространство (он осваивает его с завидным упорством и интересом), не только биографическое (он меняет территорию любви, заводит новые семьи, рождает новых детей, находит новых друзей, строит новые дома и мастерские), но в первую очередь пространство искусства. Искусство Латинской Америки, жадно впитанное им еще со времен службы на Кубе, Пикассо на долгие годы, старые мастера, наивная деревянная скульптура, испанцы, Рубенс, Рембрандт, русская икона, авангард, греческая архаика. Если начать перечислять все, что усваивается, переваривается, сгорает, входит в плоть его таланта, то, пожалуй, и не закончить.

Саша говорил мне, что чужие работы часто его заводят больше, чем собственные. Пожалуй, самый яркий пример такого завода, такой творческой экспансии, освоения и присвоения чужой территории - это три потрясающие книги его рисунков нарисованных прямо на страницах уже изданных, полиграфических фотоальбомов и каталогах. Прекрасные черно-белые фотографии архитектурных видов Праги, например, становятся толчком, полигоном, строительными лесами для создания многих десятков еще более прекрасных графических композиций. Предлагаемые обстоятельства под азартным напором его импровизаций и фантазий преобразуются в такие выразительные композиции, которые, вряд ли были бы созданы на чистом листе бумаги. Мощный композиторский, режиссерский, композиционный дар, по-моему, самая сильная сторона его таланта.

Дар его универсален и счастливо совпал на многие годы с глиной, с универсальными возможностями этого удивительного материала. Кажется, он делал и пробовал все — гончарные сосуды, вазы, роспись, глазури, ангобы, живопись на плитке и монументальные панно, рельефы, скульптуру малых форм и очень больших, понял, почувствовал терракоту, шамот, фаянс, фарфор, каменную массу. Он не любит границы и легко ломает границы жанров, создает вещи, очень органично сочетающие разное. Лучшие его работы — это и скульптура, и живопись, и графика одновременно, и в этом его резкое качественное отличие от коллег. Живопись, роспись нельзя снять с его объемов, как обои, так же, как его объем, рельеф не отделить от легкой, быстрой, чувственной линии, прорисованной, процарапанной, продавленной, оттиснутой в глине.

Одни и те же темы, приемы переходят, перетекают из работы в работу, живут разной жизнью. Графика, часто очень цветная, очень богатая по тону, почти всегда живописна и полна керамическими сюжетами. Живопись очень графична и так богата рельефом, текстурой, контрастами фактур, что очень скульптурна. Скульптура живописна и насыщена графикой, росписью, часто очень активным открытым цветом — красным, зеленым, черным. Виртуозность, легкость, артистизм демонстрируется им без устали — это бесконечный мастер класс, тебя все время призывают в свидетели, в участники этой маэстрии, этой игры, этого веселого процесса самолюбования. Процесс этот обнажен, раскрыт и бесстыдно и любовно выставлен на обозрение. Конечно, все не так просто и легко, как кажется.

Процесс работы с тонким пластом, во многом именно им, Задориным, придуманный, требует, кроме точной импровизации давления, вдавливания и выдавливания глины, еще и точного портновского расчета при кройке пласта. Причем формирование объема, раскройка, отрезание и склеивание — все происходит притом, что тонкий и часто очень большой пласт уже стоит вертикально, в виде сплющенного цилиндра, сам по себе, на основе веса. И чтобы лепить, создавать форму и сохранить равновесие, статику, конструкцию, требуется и ум, и опыт, и холодный расчет. Чуть нарушишь очень тонкий баланс — и объем упадет, сложится на твоих глазах, исчезнет, умрет. Это очень напоминает процесс хирургической операции. У Задорина процесс операции навсегда запечатлен, отпечатан на пациенте, как на пособии. Вся конструкция, весь крой, все швы, налепы, склейки и изъятия глины видны, не скрыты и даже подчеркнуты, они часть эстетики — часть создания, дневник создателя, предмет его гордости.

Дневник жизни автора не только в том, как он делает, но, конечно, в первую очередь — что. А делает он — лепит, рисует, пишет — то, что его окружает. Женщины, сидящие на стульях, лежащие в ваннах, стоящие у зеркала, женщины друг с другом, с детьми, с собаками, с кошками, с мужчинами, семьи, кони, всадники, святые, бегущие в Египет, волхвы, цыганские кибитки, люди танцующие, играющие джаз, летающие, раздевающиеся, входящие через двери, выпивающие на верандах, люди на велосипедах, натюрморты, раковины, фрукты, вазы, рыбы, портреты друзей, жен и детей, дачи, дома, руины, Мексика, Иудейская пустыня, Сирия... Женщины у него пассивны, сидят, лежат в неге, причесываются, отдыхают, напоминают «Турецкую баню» Энгра. Но герои активно действуют, двигаются, не спят. Руки подняты вверх, чтобы держать работы, как в «Автопортрете», разведены в стороны для полета, как у «Икара», вытянуты вперед, чтобы удерживать коней, как в «Квадриге», — они ощупывают, осваивают, охватывают пространство.

Меня всегда потрясает его необыкновенное остроумие, изобретательность, детская способность включить в игру все, что угодно. Это плакаты с Лениным, на которых богатая светотень портрета обыгрывается, используется, превращается в натюрморт или обнаженную (в этой игре, как всегда у Задорина, есть и доля расчета и прагматизма — во первых, плакаты как наглядная агитация печатались на очень хорошей бумаге и были неправдоподобно дешевы, во вторых, рисуя сюжетные сцены на лицах вождя, он понимал, что это будет пользоваться и успехом, и спросом). Это реальные стулья и деревянные

ящики, на которых сидят керамические люди, это и вылитые кляксы эмали на керамику или на холст, потом расписанные в виде голов. Это коллажи из гофрированного картона, где графика смотрится особенно богато, это настоящие двери, из за которых выглядывают глиняные дети. Это оттиски в глине всего, что можно, — ковриков, кружев, тряпок, досок, детских штампов, цифр и букв, листьев, которые превращаются в драпировки, облака, море, деревья и т. д. Это перевернутые подрамники, которые превращаются в его живописи в настоящие рамы окон для натюрмортов и портретов — десятки, сотни превращений и метаморфоз обычных предметов в предметы искусства. И все это так свободно, так наивно и умно одновременно, что аж дух захватывает.

Иногда мне в его работах не хватает веса, какого то, нерва, сомнения, горечи, искры зажигания, чтобы заработал мотор моего сопереживания. Ведь в жизни есть и другая сторона. Ведь кроме дольного мира есть мир горний, и там не шумно. Впрочем, еще не вечер, и может, он освоит, завоюет и это пространство. Но, возможно, я не прав. Он настолько задорно позитивно заряжен на жизнь, что не хочет, не может, и не будет думать о смерти. Мы жили подолгу вместе в одном гостиничном номере в Дзинтари, в Израиле и я свидетель, как он часто мучился бессонницей, так был разгорячен, возбужден дневной жизнью, что не был готов к покою. Вот универсальный Матисс всю длинную жизнь так гармонично, радостно и мужественно ее воспевал, что даже рак не внес трагической ноты в его искусство. Даже наоборот, его последние огромные аппликации, сделанные в постели, просто крик восторга. Такая же судьба и у нашего Кустодиева. А Рубенс? А Пикассо? Так я, пожалуй, опять начну перечислять его любимых художников

Одна из самых моих любимых его работ — скульптурный портрет Кати 1986 года «Отдых». Это, по-моему, настоящая, очень хорошая скульптура. Гармоничная, масштабная, очень портретная и очень универсальная. Отдельные объемы так музыкально и так убедительно собраны вместе, контрасты тонкого, мягкого, ажурного, рваного и массивного, тяжелого, брутального действуют завораживающе. Эти ноги в домашних тапочках, чуть инфантильные, так бесхитростно утолщающиеся, округляющиеся в коленях, так трогательно и беззащитно приставлены к горизонтали пола и к вертикали стула бедра. Эта голова, такая простая, до схемы, и такая пластичная и такая похожая на Катю. И этот тонкий рельеф ангоба рядом с чистой, голой поверхностью пласта. Помню, что, когда увидел ее после первого обжига, она мне так понравилась, что посоветовал Саше не расписывать ее, как обычно, а оставить белой, и рад, что он согласился и лишь обогатил ее контрастом белой эмали с матовой поверхностью шамота. Все мне нравится в этой работе — это редкая удача, когда все совпало и замкнулось, — настоящий шедевр.

Вот уже давно много и серьезно он занимается живописью и далеко уже прошел по этому пути. Я думаю, что все же именно его графика — это самый точный и короткий путь от его души напрямую к нам, без посредников в виде глины, холста, красок. Когда он рисует, кажется, его ангел бросает все дела и водит Сашиной легкой и очень гибкой рукой.

P.S. Разве мог я подумать, что через три года мне придется написать страшный постскрипtum к этому тексту. Вчера, после отпевания в Андреевском соборе при огромном стечении его друзей, на Смоленском кладбище похоронили Сашу Задорина.

Рак меньше чем за год изменил его до неузнаваемости. Но лишь внешне, лишь телесно. Плоть его таяла беспредельно, а дух вопреки этому укреплялся и возвышался. Он проявил такое мужество своего ухода в новое пространство, с таким достоинством и стоицизмом противостоял этой проклятой болезни, что, как всегда, остался победителем, ибо до последней минуты был хозяином и режиссером своей жизни. Всем нам он дал свой последний мастер класс, как можно и должно уходить, оставаясь самим собой, подтверждая и утверждая уникальную ценность своей жизни. Вчера был неожиданно солнечный день, и чувство невосполнимого сиротства, навалившееся с Сашиним уходом, смешивалось с чувством гордости за него и восхищения им.

Сразу после операции он открыл в Манеже мощную выставку своей живописи, наполненную такой силой, радостью, задором, восторгом перед бытием, что ошеломил

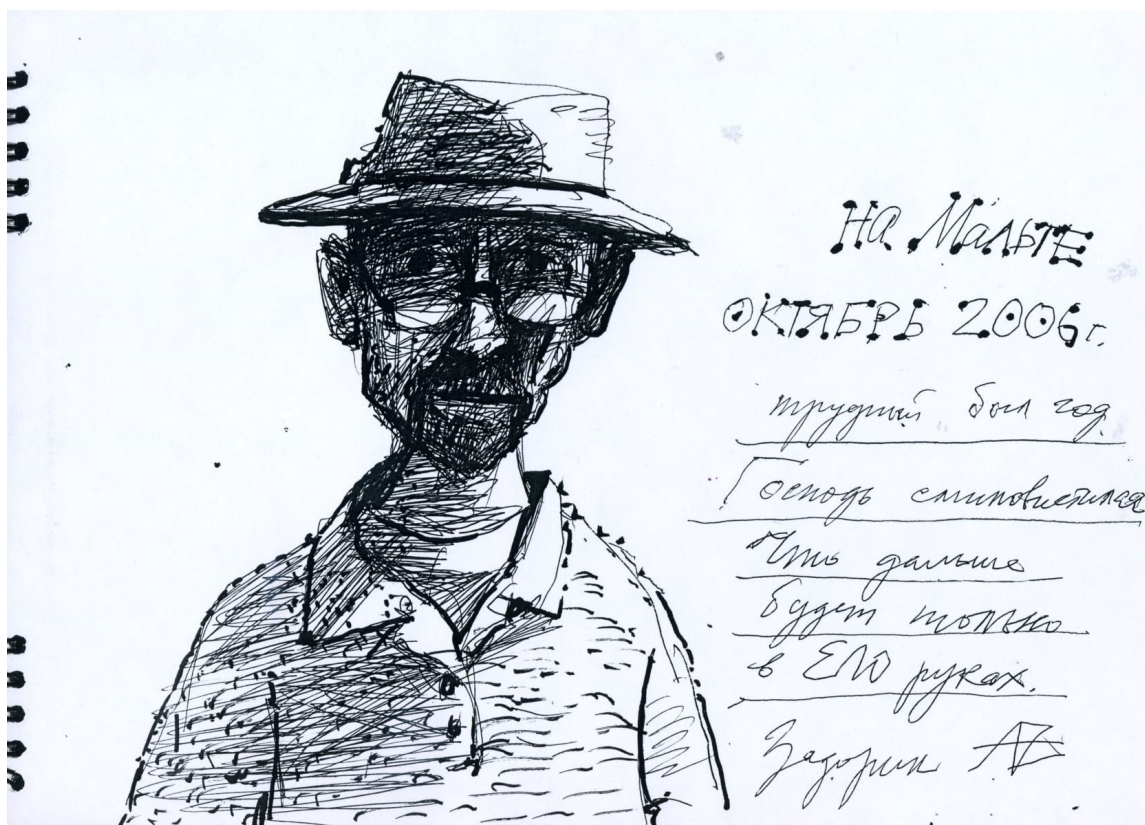
многих. Все время зябнувший от огромной потери веса, он согрел своей жаркой живописью, кажется, всех, кто ее видел. Но и восторженная ответная реакция зрителей согревала его, он всегда нуждался в обратной связи, а в этот год особенно. Саша притягивал к себе людей, его было много, и он дарил себя, тратил, а не копил. Его окружали хорошие художники, может быть, лучшие в Питере. Со временем их работы осядут в музеях, и если представить будущую выставку «Задорин и его круг», скорее всего именно они будут представлять наше время. Но от больших своих современников Задорин резко отличался одним редким качеством, о котором я уже писал раньше, — универсальностью своего таланта. Все они очень хорошие скульпторы, живописцы, графики, а Саша одновременно и то, и другое, и третье. Ученые универсалы уже не возможны, художников такого всеобщего дарования Господь хоть иногда, но присылает. За последние три года Саша путешествовал как оголтелый, побывал в Италии, в Испании, опять в Риме и под конец полетел один на Мальту. Туда — на своих ногах, а обратно так ослабел, что из самолета его доставили в кресле каталке. Дома через три дня, соборовавшись, он тихо ушел во сне. Он планировал и частично даже организовал ближайшие свои поездки в Париж, Турцию, Черногорию и очень хотел еще успеть в Америку. Саша не просто жадно глотал это новое пространство, будто собирался взять его туда, с собой, а осваивал, трудясь нещадно, чтобы оставить здесь. Для него «осваивать» — значит пропустить через себя, нарисовать в альбом, а потом написать на холсте, зафиксировать его для нас, что то важное успеть сказать всем об этом новом опыте. Еще за день до смерти он просил сделать большие ксероксы с путевых рисунков на Мальте, чтобы раскрасить их цветными карандашами, пока помнит цвет. Он ушел так, как уходили великие художники, как ушел, по легенде, его любимый Рембрандт — за мольбертом, с кистью в руках. За последнее лето в Большой Ижоре он, в перерывах между химией, написал много новых холстов, мне предстоит их еще увидеть. Я с волнением жду эту встречу с Сашей.

За этот последний, «решающий», как он мне сказал, год его интерес к жизни лишь увеличивался. Он всматривался в нее как то иначе, чем раньше, мудро, спокойно, взвешенно. Казалось, какой то немой вопрос все время был в его взгляде. Он сам говорил непривычно мало, больше слушал собеседника и был очень заботлив. Несомненно, глубокая вера поддерживала и укрепляла его. Редкий дар его подтверждался редкой работоспособностью. Саша с годами все время уточнялся, укрупнялся, настаивался, как хорошее вино. В последний год его дух стал равным его огромному таланту. Конечно, друзья, коллеги всегда ощущали его масштаб, понимали, что Александр Задорин — художник мирового уровня. Когда состоятся достойные его таланта выставки, с сотнями листов его прекрасной графики, живописью, керамикой, будут изданы книги о нем, это поймут и увидят многие.

Много лет назад на мое резкое критическое замечание на какую то статью о нем Саша ответил: «А ты сам напиши».

Ну вот, Саша, я и написал, не сомневался, что ты прочтешь. Теперь уже нет.

27.10.2006

А.Задорин. «Последний автопортрет» 2006. 20 ´30 см. Бумага, чернила.

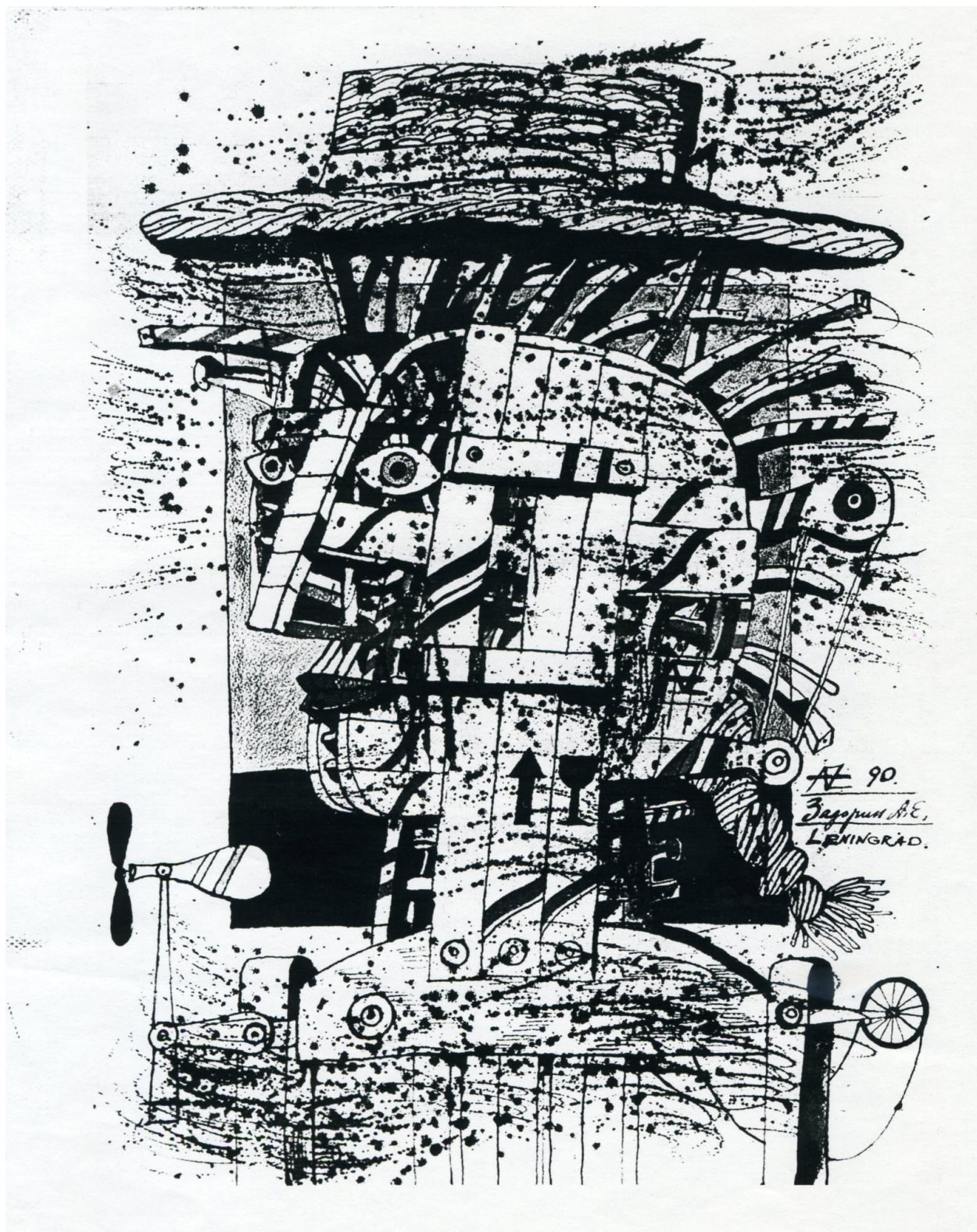
А.Задорин. Рельеф «Портрет» 1980-е. 17 ´ 24 см. Шамот, окиси, глазури. Из коллекции В.Цивина.

А.Задорин. «Монументы» 1998. 100 ´100 см. Холст, масло, нитроэмали. Из коллекции В.Цивина

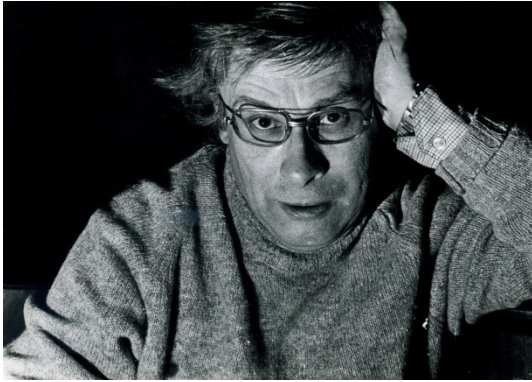
А.Задорин. «Новый велосипед» 2006. 122x80 см. ДВП, масло, эмаль, фломастер.

А.Задорин. Графика разных лет. Бумага, тушь, чернила.

Фотографии с комментариями:

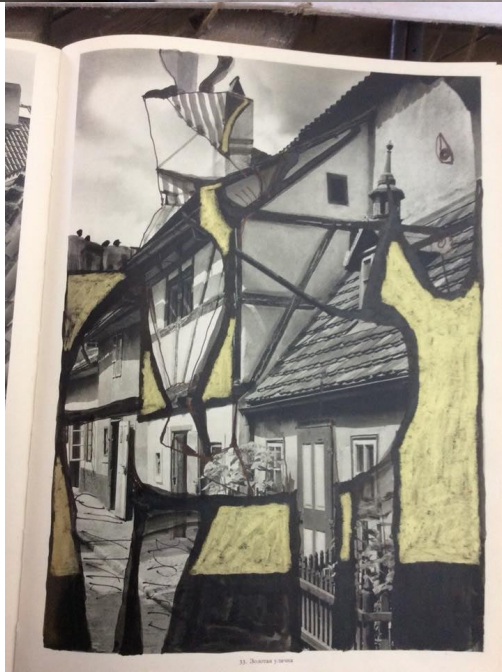
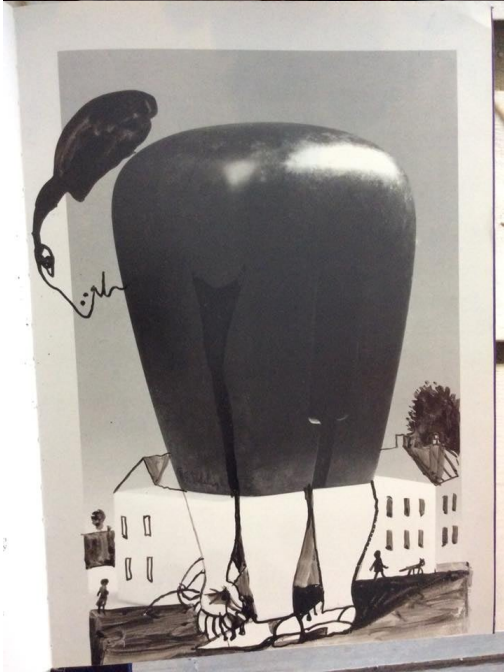
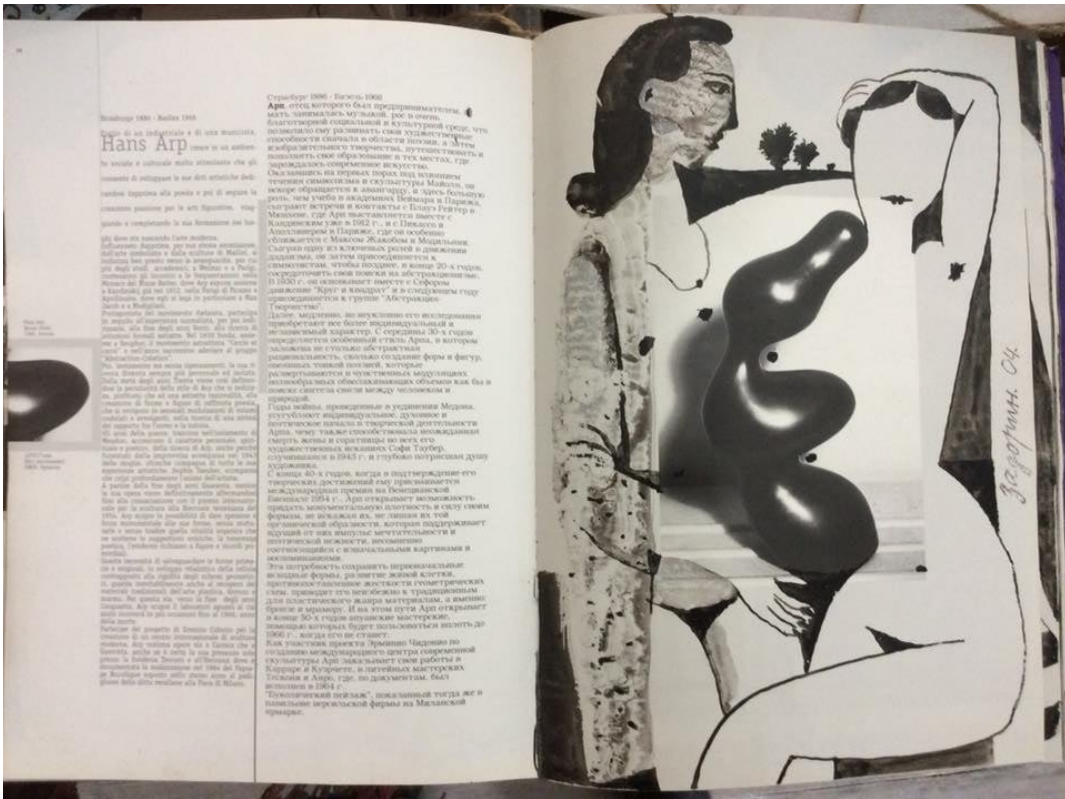

Анатолий Громов (1941 – 2019) – автор этого веселого фоторепортажа. Одноклассник Саши Задорина в СХШ им Иогансона. Член группы «Одна композиция». Необыкновенно талантливый художник, блистательный график, уникальный керамист. Толя – умнейший, глубоко образованный, универсальный, страстный, подозрительный, легко ранимый, в себе сомневающийся, нежный, доверчивый и бесконечно одаренный человек. Михаил Копылков и Григорий Копелян сделали в 2019 году, к посмертной выставке его хорошую монографию "Вести с Лукоморья". Толя так же прекрасно фотографировал, как и рисовал.

А. Задорин. «Отдых». 1986. 6 форм. Н — 120 см. Шамот, ангоб, эмаль белая. Государственный музей-заповедник «Царицыно», Москва.

Одна из самых моих любимых его работ — скульптурный портрет Кати 1986 года «Отдых». Это, по-моему, настоящая, очень хорошая скульптура. Гармоничная, масштабная, очень портретная и очень универсальная. Отдельные объемы так музыкально и так убедительно собраны вместе, контрасты тонкого, мягкого, ажурного, рваного и массивного, тяжелого, brutального действуют завораживающе. Эти ноги в домашних тапочках, чуть инфантильные, так бесхитростно утолщающиеся, округляющиеся в коленях, так трогательно и беззащитно приставлены к горизонтали пола и к вертикали стула бедра. Эта голова, такая простая, до схемы, и такая пластичная и такая похожая на Катю. И этот тонкий рельеф ангоба рядом с чистой, голой поверхностью пласта. Помню, что, когда увидел ее после первого обжига, она мне так понравилась, что посоветовал Саше не расписывать ее, как обычно, а оставить белой, и рад, что он согласился и лишь обогатил ее контрастом белой эмали с матовой поверхностью шамота. Все мне нравится в этой работе — это редкая удача, когда все совпало и замкнулось, — настоящий шедевр.

А.Задорин. Листы из авторских книг. 2004. Бумага, тушь, гуашь, чернила.

Саша говорил мне, что чужие работы часто его заводят больше, чем собственные.

Пожалуй, самый яркий пример такого завода, такой творческой экспансии, освоения и присвоения чужой территории - это три потрясающие книги его рисунков нарисованных прямо на страницах уже изданных, полиграфических фотоальбомов и каталогах.

Прекрасные черно-белые фотографии архитектурных видов Праги, например, становятся толчком, полигоном, строительными лесами для создания многих десятков еще более прекрасных графических композиций. Предлагаемые обстоятельства под азартным напором его импровизаций и фантазий преобразуются в такие выразительные композиции, которые, вряд ли были бы созданы на чистом листе бумаги. Мощный композиторский, режиссерский, композиционный дар, по-моему, самая сильная сторона его таланта.